

О РОЛИ «ВЕЩИ В СЕБЕ» И «НОУМЕНА» В КАНТОВСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

«Вещь в себе» — это одно из самых основных понятий гносеологии Канта. Данным термином им обозначается непознаваемая реальность, а ей внутри теории соответствует предельно абстрактное понятие и соответствующий термин — имя умопостигаемого предмета — *noumenon*.

В этом пункте при интерпретации кантовской гносеологии возникает трудность, о которой много писали. Недавно логик из ГДР Хорст Вессель в одной из своих статей (1975) вновь затронул эту проблему, заявив, что «вещь в себе» есть пустой термин, как и ноумен. И коль скоро это так, то никто из комментаторов Канта не имеет права эту пару коррелятивных терминов употреблять и о соединенных с ними абсолютно бессодержательных понятиях — мыслить¹.

Однако этот запрет, исходящий из наилучших логических пожеланий, все же не корректен. Ноумен и «вещь в себе» у Канта действительно по исходному замыслу соотносятся как понятие пустого понятия и собственно пустое понятие, но второе из них приобретает содержание из многообразия тех ролей, которое оно, т. е. понятие «вещи в себе», играет в системе Канта. Вспомним, что хотя «ноумен имеет негативный смысл» (3, 308), но, по Канту, даже пустой предмет понятия (*nihil privativum*) — это далеко не то, что пустой предмет без понятия (*nihil negativum*). А «вещь в себе» у Канта далеко не негативна по содержанию. Понятие пустого понятия, т. е. ноумен, также показывает себя не абсолютно пустым, хотя его содержание сводится в основном к указанию на «вещь в себе», т. е. на другое понятие, которое, как увидим, далеко не бессодержательно. Но определенное содержание ноумен получает также и из своих собственных ролей в кантовской философии.

Каковы, прежде всего, значения и роли понятия «вещь в себе»? Основных таких значений и ролей, на наш взгляд, четыре.

Во-первых, это роль некоего непознаваемого внешнего возбудителя наших ощущений и представлений. В признании наличия такого возбудителя Ленин видел наличие материалистической тенденции в философии Канта². К этому следует добавить значение «вещи в себе» как символа пока еще не познанной части объекта в сфере явлений. Это полуматериалистическое значение «вещи в себе», впрочем, нарушает концептуальную стройность учения Канта, так как вводит «вещь в себе» в сферу феноменов, хотя таков факт текста (см., например, (3, 454).

Этот факт, сам по себе важный для выяснения характера материалистических тенденций у Канта, мы считаем, есть проявление некоторой кантовской непоследовательности. Проявлением непоследовательности можно считать, полагаем, и намечающееся иногда у Канта двойное аффицирование: «вещи в себе» аффицируют чувственность, а предмет в форме чувственности, играя роль некоей вторичной «вещи в себе», возбуждает трансцендентальное сознание³. Но ведь предметность в чувственности, по Канту, есть не более как продукт априорной деятельности субъекта. Итак, суть понятия «вещь в себе» в первом его значении и роли сводится в основном к аффицированию, т. е., согласно терминологии Канта, к своеобразному ноуменальному «причинению».

Вторая роль «вещи в себе» состоит в символизации ею (через посредство термина «ноумен») всего того, что в принципе непознаваемо. Можно сказать, что это символизация знания с отрицательным содержанием: «...если я указываю только, какими свойствами созерцание объекта не обладает, и не могу сказать, что же в нем содержится, то это не настоящее знание, ведь в таком случае я даже не представил себе возможности объекта для моего чистого рассудочного понятия, потому что я не мог дать никакого соответствующего ему созерцания, могу только сказать, что наши созерцания не действительны для него» (З, 203). Итак, мы, во-первых, имеем знание о том, что есть нечто (З, 721), и, во-вторых, о том, что об этом нечто мы не имеем никакого положительного знания. Но есть и «в-третьих»! На самом деле, хотя неокантианская позиция, сводящая «вещь в себе» к обозначению *границы*, за которой познавательное действие категорий прекращается, и есть определенный отход от взглядов подлинного Канта, все-таки «вещь в себе» у него самого играет также и роль границы. Но это граница непознаваемой, однако вполне *реально существующей* области бытия. Следовательно, сам Кант полагал эту границу с иной «стороны», чем это впоследствии стали делать представители марбургской школы.

Третье значение «вещи в себе» и соответствующая этому значению роль данного понятия состоят в указании на трансцендентные духовные объекты. Но это значит, что термин «вещь в себе» обозначает область бытия, которая характеризуется не как просто непознаваемая, но как неприродная, внеприродная и сверхприродная. Особым вариантом третьего значения является четвертое значение «вещи в себе», когда она выступает в роли наименования для сферы идеалов, то есть совокупности недостижимых во всей полноте целей ценностных стремлений. Содержание же этой сферы весьма велико, так что говорить о бессодержательности «вещи в себе» хотя бы в четвертом ее значении было бы по меньшей мере странно. Впрочем, и среди неприродных объектов размышлений Канта уже одна только

проблема свободы воли составляет сложный узел многих вполне содержательных вопросов, требующих содержательных ответов.

Итак, понятие «вещи в себе» включает в себя, по меньшей мере, такие признаки, как чувственное аффицирование, ограничение территории непознаваемой реальности, предполагаемая духовная сущность (бог, душа) и бытие в качестве объекта ценностной ориентации. К этому можно добавить, что «вещи в себе» в системе Канта оказываются подвластны категориальности (пусть и «ноуменальной»), поскольку они, как это отмечали уже Якоби и Фихте, действительны, не *зависят* от чувственности, *активны*, у них есть нечто *общее*, но и их *больше*, чем одна, и они как-то упорядочены⁴.

Теперь о ноуменах. Коль скоро «вещь в себе» содержательна, не может быть бессодержательным и ноумен, т. е. относительно самостоятельно действующее в философии Канта понятие о «вещи в себе». Если «вещь в себе» непознаваема в том смысле, что мы не знаем, что именно представляет собой носитель совокупности столь разнородных между собой вышеперечисленных свойств (они были отмечены нами как признаки понятия этого носителя), то, употребляя в гносеологических рассуждениях понятие самого ноумена, мы, по Канту, отказываемся от всякой попытки уяснить себе, что же такое есть «вещь в себе» сама по себе. Кант старается определенно разграничить эти два подхода: *мыслить* себе предмет и *познавать* предмет не есть, следовательно, одно и то же». К тому же, вообще, из логики мы знаем, что свойства понятия и свойства предмета понятия не совпадают, но это не главное соображение.

О соотношении ноуменов и «вещей в себе» много писали. Недавно советский философ Т. И. Ойзерман в одной из своих статей (1974) вновь коснулся этой проблемы, согласившись с мнением ряда комментаторов Канта, что ноумен связан почти со всеми значениями «вещи в себе», но отнюдь не с первым из них. Иначе говоря, можно считать, что «вещь в себе» нужна Канту только для аффицирования чувственности людей, а значит значение ее целиком укладывается в русло тяготеющей к материализму тенденции, все же остальные значения и роли «вещи в себе» берет на себя понятие ноумена⁵. В таком случае понятие ноумена беспредметно, ибо ему «вещь в себе» как трансцендентный, но чувственно обозначенный предмет уже соответствует, а «вещь в себе» свободна от ноуменальности, ибо ноумен к актам аффицирования отношения не имеет.

Однако эта точка зрения при всей заманчивости открывающейся вместе с ней возможности изобразить учение Канта о «вещах в себе», так сказать, более материалистическим, чем его считали марксисты до сих пор, все же некорректна. Ноумен и «вещь в себе» соотносятся у Канта на деле во всем объеме действия обоих терминов. Мы не можем согласиться с резким

противопоставлением первого значения «вещи в себе» всем остальным ее значениям, как если бы «Критика чистого разума» и две прочие «Критики» были написаны не одним и тем же лицом или автор их поменял смысл терминологии. А мы, разумеется, не можем сбрасывать со счетов значения терминов в «Критике практического разума» и в «Критике способности суждения». Сближение ноуменов с идеями чистого разума — не в пользу обсуждаемой концепции, потому что среди этих идей есть идея космологическая, а она как раз связана именно с первым значением и ролью «вещи в себе».

Ссылаются и на то, что «вещь в себе» в первом ее значении аффицирует *чувственность*, ноумен же есть *умопостигаемое* понятие (Verstandeswesen). Но ведь и «вещь в себе» оказывает только умопостигаемой, если мы рассуждаем не о самом акте чувственного аффицирования, а о том, *что* же именно аффицирует. Ноумен же в его естественном для Канта «негативном» смысле отрицательно соотносится им именно с чувственностью, когда «под ноуменом мы разумеем вещь, поскольку *она не есть объект нашего чувственного созерцания...*» (3, 308). Здесь речь идет не столько о разграничительной линии между чувственностью и рассудком, как видами деятельности и их *продуктами*, сколько о различии между *объектами* (Wesen) чувств (ощущений) и *объектами* размышлений (3, 307), т. е. о различии между эмпирическим (phaenomena) и теоретическим (noumena). Мы считаем, что также и сам факт введения Кантом в его трансцендентальной аналитике понятия «ноумен» свидетельствует о предвосхищении им этого, столь важного ныне для логика науки, различия.

Сказанное выше направлено нами против чрезмерного отрыва ноуменов от «вещей в себе». Но мы начали в этой части с мыслей об относительной самостоятельности ноумена в отношении «вещи в себе». И эту частичную самостоятельность было бы неверно и затушевывать, сводить на нет. Ведь четыре значения «вещи в себе» выражают соответственно разные общепhilosophические установки-тенденции у Канта — материалистическую, агностическую, объективно-идеалистическую и субъективно-идеалистическую. Две последних из них в наибольшей степени регулятивны, в отличие от двух первых. Вспомним, что писал Кант в примечании к Предисловию во втором издании «Критики чистого разума»: «...Реальность внешнего чувства необходимо связана с реальностью внутреннего чувства как условие возможности опыта вообще. Отсюда следует, что существование вещей вне меня, находящихся в отношении с моим чувством, я сознаю с такой же уверенностью, с какой я сознаю свое собственное существование, определенное во времени» (3, 102). Здесь Кант подчеркнул важность первого, тяготеющего к *материализму* значения «вещи в себе». С другой стороны, третье и четвертое значения «вещи в себе», ускользая, хотя и не до конца, из об-

ласти действия ноуменальных категорий, вместе с тем приобретают иную, чем ориентированную на чувственную предметность, определенность как нечто именно трансцендентно *идеалистическое*. Но это различие не такого рода, что оно будто бы «лишает права» «вещь в себе» в первом ее значении иметь свой ноуменальный коррелят: пусть трансцендентная идеальность «естественно» выражается у Канта ноуменом, но не менее естественно (если, разумеется, оставаться в рамках философии Канта) выразить деятельность аффицирования посредством столь же ноуменальной каузальности!

И вообще трудно сказать, в каком из четырех значений, кроме второго, явно агностического, объектная соотношенность понятия «вещи в себе» выражена больше, чем в случае остальных значений. Известный современный гегелевед и кантовед из ФРГ Дитер Хенрих проделал специальное исследование с целью выяснения корней и характера понятия «объект» в гносеологии Канта⁶.

Немалый интерес представляют некоторые использованные автором материалы, в особенности извлечения из заметок Канта, относящихся, по-видимому, к лету 1797 года. Здесь идет речь, в частности, о значении термина «объект», который следует, конечно, отличать от «вещи в себе» и «ноумена».

Кант написал следующее: «Что такое объект? Это то, представление чего есть понятие ряда сюда относящихся предикатов. Тарелка круглая, теплая, оловянная и т. д. и т. д. Теплый, круглый, оловянный и т. д. и т. д. не есть объект, но иное дело (*wohl*) теплота, олово и т. д. и т. д. Объект — это то, в представлении чего могут быть мыслимы синтетически связанными разные другие представления»⁷. Оставим в стороне рассуждения Д. Хенриха по поводу того, что Кант отнес к числу объектов теплоту. Важно то, что, как обнаруживается в этих, а равно и в последующих его размышлениях, поздний Кант в общем сохраняет свою «критическую» позицию, не достигая какой-либо детализации проблемы трансцендентной объективности. Он продолжает рассматривать проблему объективности в рамках вопроса об «объективности» знания как результата деятельности априорных механизмов, порождаемых трансцендентальными способностями и прежде всего продуктивной силой воображения субъекта.

Таким образом, нет оснований «сдвигать» известное учение Канта о «вещах в себе» и ноуменах ни далее в сторону материализма, ни далее в сторону идеализма. Учение Канта нельзя преобразовывать в тот или иной вариант кантианства. И если совсем недавно западный комментатор Г. Праус изобразил «вещь в себе» как только «способ рассмотрения» Кантом факта ограниченности нашего познания⁸, мы видим в этом лишь еще одну гипертрофию одного (на этот раз уже второго) из четырех значений кантовской «вещи в себе». И на этот раз — явно в ин-

тересах агностицизма и субъективного идеализма. А это есть уже прямое искажение исторического Канта.

Итак, говоря об отличии значения термина «ноумен» от значения термина «вещь в себе», можно сформулировать наш вывод примерно так: чем более намечается некоторое содержание у вещи в себе, тем более отходит от «вещи в себе» как термина термин «ноумен» как обозначение бессодержательного (в том смысле, что вся содержательность здесь сводится к агностическому тезису). Этого «отхода» совершенно нет во втором значении «вещи в себе», но и в других случаях неправомерно было бы его преувеличивать: ведь агностицизм не исчезает ни из какого среди четырех значений «вещи в себе». Важнее иное отличие (между понятием и предметом понятия), но в этом случае мы оказываемся перед необходимостью выбора среди следующих вариантов решения вопроса: 1) «ноумен» есть понятие о вещи в себе; 2) «ноумен» есть понятие о понятии «вещь в себе»; 3) «ноумен» есть термин, выражающий понятие вещи в себе. Однако провести эти различия в ходе анализа текста кантовских сочинений не удастся: столь высокая степень точности логического анализа Кантом достигнута не была (другое дело, насколько эта степень точности привела бы к действительно существенным результатам). Мы сторонники 4-го ответа: «ноумен» есть понятие о вещи в себе, причем последняя в своих «менее» агностических значениях имеет слабо выраженную тенденцию отхода от значения термина «ноумен», но не более того.

Как бы то ни было, вопрос отнюдь не закрыт для дальнейшего обсуждения.

¹ См.: Zum Kantverständnis unserer Zeit. Hrsg. von A. Ley, P. Ruben, G. Stieler. Berlin, 1975; ср.: Wessel H. Logik und Philosophie. Berlin, 1976, Kap. 3, § 12.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 206.

³ Ср.: Vaihinger H. Commentar zu Kants Kritik reinen Vernunft. Bd. 2. Stuttgart—Berlin—Leipzig, 1892, S. 52.

⁴ См.: Martin I. Immanuel Kant. Ontologie und Wissenschaftstheorie 2 Auflage. Köln, 1958.

⁵ См.: Ойзерман Т. И. Учение Канта о «вещах в себе» и о ноуменах. — «Вопросы философии», 1974, № 4.

⁶ См.: Henrich D. Identität und Objektivität. Eine Untersuchung über Kants transzendente Deduktion. Heidelberg, 1976, Kap. 2; Objekt und Urteil.

⁷ Там же, с. 44.

⁸ См. обзор зарубежных кантоведческих работ Н. И. Деминой в В. А. Жучкова в журнале «Философские науки», № 6, 1976.